

«САМОВЫРАЖЕНИЕ»

И САМОРАЗОБЛАЧЕНИЕ ПЕТЕРА ВАЙСА

ЧТО случилось с Петером Вайсом?.. Перед мной комплекты западногерманских газет и журналов за январь: в дюссельдорфском «Шаушпилахузе» режиссер Гарри Бухвиц поставил новую пьесу Петера Вайса «Троцкий в изгнании». Пьеса идет со скрипом; «Франкфуртер альгемайне» отмечает царящую на сцене «скуку»; «Крист унд вельт» признает, что пьеса «имеет мало общего с театральным искусством», даже самые снисходительные критики говорят об упадке таланта знаменитого автора. На генеральной репетиции театральные служащие вынуждены были вооружиться дубинками: студенты Дюссельдорфской академии искусств, приглашенные участвовать в обсуждении, рвали на сцену, кричали смущенному Вайсу: «Ты нам Ленина давай, а не Троцкого, сукин ты сын!»

А ведь еще недавно в ФРГ на новое детище Вайса возлагали большие надежды, предвкушали сенсацию — постановка приурочивалась к началу семидесятого года: интересно, как это «проглотит» Москва?..

Но ведь особой сенсацией тут и нет никакой: сейчас за рубежом Троцким торгуют направо и налево, пытаются насильственно навязать левому движению мрачную фигуру ренегата, с помощью призрака Троцкого внести сумятицу и хаос в неокрепшие умы молодых западных «левых». Критик Вольфганг

Игнее говорит об «идеологической бомбе», брошенной Вайсом в молодежные ряды, Ганс Шваб-Фелиш — о том, что своим «Троцким» Вайс «протягивает руку нынешним бунтующим студентам»...

В пьесе Вайса — множество исторических передержек, лжедокументов, псевдоцитат, изготовленных самим автором, а Октябрьская революция представлена на сцене в угоду придуманному Вайсом сценарию.

Впрочем, драматург не очень-то интересуется исторической правдой — что ему до того, что было в действительности? А в действительности был «Иудушка», было брестское «ни мира, ни войны», чуть не поставившее под удар судьбу Октября, был лозунг «завинчивания гаек»...

Было политическое заведение Ленина, его «Письмо к съезду», в котором прямо говорилось о некоммунизме Троцкого, была крутая, непримиримая борьба с троцкистским авантюризмом и отступничеством. Да, тяжелой и изнурительной была эта борьба, трудны и тернисты пути истории, сложны, порой недоступны иному поверхностному уму судьбы России. Но что за дело Петеру Вайсу до далеких российских судеб, до конкретного «человеческого материала» из плоти и крови? У него — схемы, геометрия голая, сухая политика, которую прокламируют куклы, выступающие в масках государственных и по-

литических деятелей. Уже в пьесе о Вьетнаме эта «геометрия» настораживала потому, что нет такой геометрии и нет такой алгебры, с помощью которых измеришь и вычислишь гнев, героизм и горе Вьетнама, а при посредстве акробатических трюков не изобразишь «бумажных тигров американо-империализма». И когда по сцене прыгал и кувырчался, извергая громовые речи, к тому времени уже убитый Джон Кеннеди, как-то неловко становилось за автора...

И вот теперь уже не Кеннеди скачет по сцене, а персонажи, рожденные Вайсом в колбе его схематизма в отрыве от живой жизни и реальной борьбы, «выясняют» давно уже выясненную предательскую роль Троцкого. Бесконечные унылые дебаты, которыми заполнена пьеса, способны лишь утомить, вызвать естественное огорчение, а кое-кого и потешить.

Сознает ли Вайс, кого он этим потешит? Понимает ли, как возрадуются таденовские неонацисты и зубры из партии Штрауса и Кизингера, как заулюлюкает, косясь в сторону «красных», вся реакционная сволочь: вот вам антисоветский «подарок» от вашего вчерашнего дружка! Ведь не кто-нибудь эту штуку состряпал, а Вайс, Петер Вайс, тот самый, который во всеуслышание, с чрезвычайной резкостью то и дело клеймил «реакционные проамериканские позиции» ФРГ.

И вновь возникает во-

прос: что же все-таки произошло с Петером Вайсом?..

В уже упоминавшейся статье Шваб-Фелиша из «Франкфуртер альгемайне цайтунг» настойчиво повторяется термин «самовыражение»: «Новая пьеса Вайса является произведением, отражающим приверженности автора»: «Это самовыражение самого Петера Вайса».

С подмостков «Шаушпилахуза» — новопостроенного здания, зажатого между небоскребом концерна Тиссена и филиалом манхеттенского банка, сто семь (!) актеров убажуют буржуазную публику игрой в «перманентную революцию». Постепенно вытесняются со сцены слишком «консервативные», с точки зрения Вайса, советские коммунисты, и посреди бутфорской бури мечется всклокоченный персонаж с бородой Льва Троцкого. Именно его устами Вайс, игнорируя историческую реальность, вопреки логике, разуму и элементарной политграмоте призывает «раздуть пожар» на том или ином «намеченном» Вайсом участке планеты, высокомерно отвергает опыт социалистического строительства в СССР, добытый потом и кровью миллионов людей опыт мирового рабочего движения, более того — недвусмысленно заявляет о том, что основной движущей силой «мировой революции» отныне является не «консервативный» рабочий класс, возглавляемый коммуни-

стическими и рабочими партиями, а «возмущенное» студенчество. Иными словами, Вайс создает некую мешанину из троцкизма, маоизма, антисоветизма и маркузизма...

Вайс делает Троцкого то «лучшим другом» и тонким ценителем левого искусства, то поборником освободительной борьбы колониальных народов, то изображает Троцкого «идеалистом», трагическим, «непонятым» современниками. За всем этим стоит глубоко антисоветская по своей сути мысль, будто бы пламя Октября «временно» переместилось из Советского Союза в другие районы земного шара, клеветническая маоистская «версия» о «буржуазном перерождении» советского общества. Впрочем, так оно бывало и прежде: всякий раз, как только заходила речь о личности Троцкого, она неизменно использовалась нашими идеологическими противниками в целях антисоветизма, для ожесточенных атак и выпадов против советского строя...

Так политическая спекуляция, выдаваемая Вайсом за поиски «революционного театра», и пренебрежение писательской и человеческой этикой привели Петера Вайса к написанию недостойной антисоветской пьесы.

В свое время признание заслужила драма Петера Вайса «Убийство Марата», читатели и зрители оценили его антифашистскую ораторию «Дознание», с интере-

сом отнеслись к антиколониальной сатире «Лузитанское дугало», приняли его чистосердечного простака Мокиппотта. Говоря сейчас о его последней пьесе, мы, разумеется, помним, что настоящее искусство не должно знать ни «запретных» тем, ни «запрещенных» персонажей. Все дело в решении темы, в концепции автора. Однако в данном случае выбор темы не случаен и дает все основания считать, что Вайс «подсунул» Троцкого театрам вполне преднамеренно в ленинский год.

Западные газеты сейчас пишут, что Вайс надеялся навязать нам своей пьесой дискуссию. Но какая же может быть у нас дискуссия по поводу пьесы, которую мы считаем грубой идеологической диверсией, оскорблением советских людей, всех подлинных коммунистов?

Как часто бывает, порочная идея не могла не сказаться на художественных качествах произведения, которое отличается редкостной ходульностью, схематизмом, эмоциональным худосочием и лексической немощью. Я говорю об этом с особой горечью потому, что не раз «общался» с Петером Вайсом за письменным столом, переводя его прежние стихотворные пьесы.

...Одна из рецензий на новую пьесу Петера Вайса носит весьма меткий заголовок: «Вайс в изгнании»... Да, в «изгнании», и отправился он туда по своей собственной воле...

Лев ГИНЗБУРГ